

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ

К 25-летию со дня смерти

Коммиссаржевскую любили сравнивать с чайкой. Это повелось с той поры, как при провале чеховской «Чайки» в Александринском театре в 1896 г., — когда провалился не Чехов, а старый театр с его ожирелой косностью, — одна Коммиссаржевская, как чайка, пролетела сквозь густой туман театральной рутины на простор молодого творчества и подлинного искусства.

Коммиссаржевской была чужда всяческая самоудовлетворенность. Жить и творить для нее значило искать новые формы жизни и творчества. С первых же шагов на сцене Коммиссаржевскую встретил исключительный успех и сразу же определилась особенность этого успеха: ее любили, как художнику, но еще больше, как лучшую из современниц, чутко переживающую и правдиво передающую тревогу, надежду, устремление своего времени. Чем больше была насыщена роль этими тревогами современности, тем лучше она удавалась Коммиссаржевской: Ибсена она играла лучше, чем Шекспира, «Чайку» ярче, чем «Бедную невесту». Кто помнит ибсеновскую Нору в изображении Коммиссаржевской, тот хранит в себе не только пленительный поэтический образ, насыщенный тончайшей музыкальностью и исполненный светлой пластикой, — тот хранит в себе одушевленное слово в защиту женщины, пламенную речь за ее освобождение. А как внятно слышалась и чутко воспринималась эта речь в годы перед первой революцией.

Коммиссаржевская ушла с казенной сцены в разгар успеха, навсегда разорвала с казенным актерским «благополучием», загубившим столько талантов. Она, по собственному признанию, мечтала о «театре свободного актера» и взяла на себя тяжкий труд его создания. В своем иссании и труде она была одинока.

Свой театр Коммиссаржевская создавала по-своему. В то время как Художественный театр создавался и жил помощью меценатов из крупной буржуазии, Коммиссаржевская создавала театр личным упорным трудом:

она без отдыха играла в провинции в течение нескольких лет, чтобы на вырученные деньги поддерживать свой театр в Петербурге, дававший чистый убыток.

В эпоху первой революции театр Коммиссаржевской был единственным театром, связавшим себя с судьбами революции, жившим ее радостями и угнетаемым ее печалью. Стержнем его репертуара оказалась революционная драматургия М. Горького. В этот театр пришел новый зритель с рабочих окраин, и это зорко заприметила реакционная власть, обрушившая на театр ряд кар, обвалившая театру репертуарную блокаду, не пропускавшую туда даже Шиллера. Первый же сезон театра Коммиссаржевской закончился настоящей противоправительственной демонстрацией: отбиваясь от полиции, рабочая и учащая молодежь в своем адресе провозгласила Коммиссаржевской: «Честь и слава вам, артистке, художнице, женщине и гражданке!»

Сезоны 1906—1909 годов были для театра Коммиссаржевской годами напряженных исканий новых театральных форм, условного, символического театра. Но как только эти искания покусились на величайшую из реальностей театра — на «свободного актера», Коммиссаржевская отпрянула от них, утверждая, что они ведут «к театру кукол», к уходу от жизни, в абстрактность самодовлеющей формы. Найдя в себе силу зачеркнуть все, на что было положено столько труда, Коммиссаржевская пришла к горькому выводу: «Театр, каким он стал сейчас, перестал мне казаться нужным, и путь, которым я шла до сих пор, перестал мне казаться верным».

Она решила уйти из театра, чтобы работать... для театра. Она деятельно готовилась к созданию еще не бывавшей театральной школы — к основанию театрального университета.

В письме к Н. Е. Эфросу Коммиссаржевская призналась однажды: «Я никогда не умею жить настоящим. Я живу только будущим. Конечно,

В. Ф. Коммиссаржевская

это величайшая трагедия. Но это и величайшее мое счастье».

Нельзя верно определить судьбу великой артистки. Ее театральный путь с его исканиями, ошибками, с непосильным трудом, крушением самых заветных мыслей, начинаний, дел, — конечно, это величайшая трагедия. Но это — и «величайшее счастье» Коммиссаржевской: ее неприятие буржуазного театра, ее не сбывшаяся мечта о «театре свободного актера», ее гибель во время полета в светлое будущее — в этом ее кровное родство с нами, с нашим великим настоящим, в этом ее право на нашу память и любовь.

С. ДУРЫЛИН